

И ОПАТЬ - на пути к правде

Скоро таллиннский зритель увидит новый фильм "Изыди" петербургского режиссера Дмитрия Астрахана. Он увешан призами, как новогодняя елка украшениями. Это и два приза "Кинотавра", и приз Московского международного фестиваля, и приз в Токио. Картину даже выдвинули на "Оскара", а уж показывали на всех американских фестивалях, а также в Монреале, Берлине, Лондоне, Карловых Варах, на фестивале в Австралии. Да что там перечислять - ее взяли все.

"Потому что она хорошая или потому что попала в струю?" - спросила наш корреспондент Элла АГРАНОВСКАЯ.

- "Потому что это великая картина", - ответил режиссер Дмитрий АСТРАХАН.

Так началась беседа.

- Знаете, мне часто доводилось беседовать с кинорежиссерами. Но довольно редко - с постановщиками великих картин.

- И между тем, это действительно серьезная, большая картина. Мне кажется, вполне достаточно того, что ее выдвинули на "Оскара" - первый фильм никому не известного театрального режиссера. А то, что она попала в американский прокат, именно в прокат, а не на разовые показы, - это тоже о многом говорит.

- Но нет пророка в своем отечестве? По-моему, русским людям посмотреть ее сложнее, чем американцам, что вызывает сожаление.

- Мне тоже очень жаль. Но, я думаю, они ее увидят.

- Хотелось бы. Потому что смотрит наш зритель, в основном, гадость.

- Он не смотрит гадость. Он смотрит то, что смотрит весь мир. Он смотрит кино. Разное. Бульварное, такое, сякое, но это временное явление.

- А пока люди просто перестают в кино ходить.

- Значит, скоро начнут создаваться кинотеатры, которые будут показывать хорошее кино и на этом создавать себе репутацию. Естественный процесс. И у меня нет никаких переживаний по поводу того, что кино, дескать, гибнет, театр гибнет.

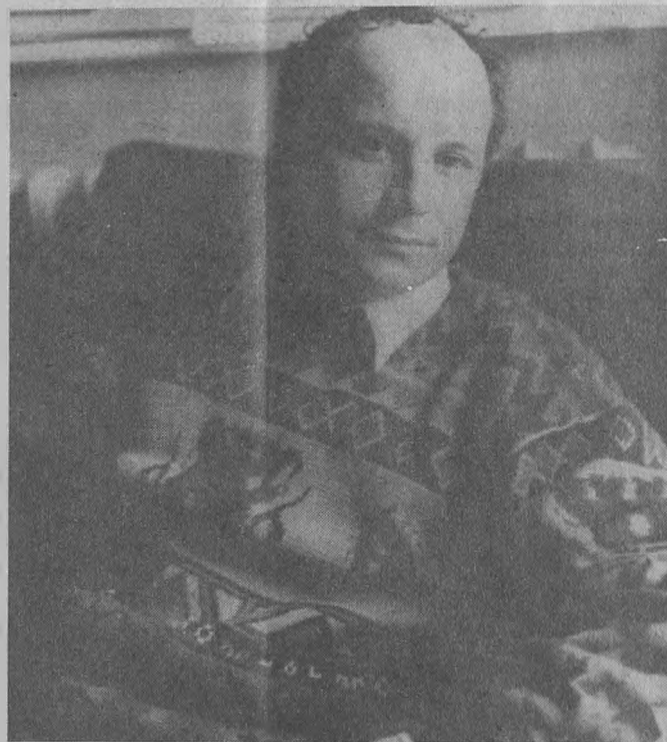
Все это ложь, слова беспомощных непрофессионалов. Не могут сделать - гибнет. Деньги не дают, потому что не приносит ваше искусство денег. Правильно делают, что не дают. И я бы не дал на месте тех, кто деньги дает. Они же свои дают. Он рискует деньгами, а я рискую трудом, но мы должны рисковать здраво. А зачем рисковать, если это никто не будет смотреть? Да это даже читать неинтересно! А если мне неинтересно, то почему кому-то должно быть интересно?

Ваша картина "Изыди", снятая по мотивам Шолома Алейхема, очень неоднозначная. Она не вызвала никаких споров? Ее приняли безоговорочно?

- Почему не вызвала возражений? Кто-то кричал мне, что так не бывает! Я ему отвечал, что так бывает, что у меня масса русских друзей, которые меня не предавали в самых сложных жизненных ситуациях. А были евреи, которые меня предавали. Речь идет о хороших и плохих людях, а не о евреях или русских. По-другому немножко надо ставить вопрос. И об этом была снята картина - о том, как люди стараются сохранить человеческое достоинство, человеческое лицо в ситуации конфликта.

- Грустная картина?

- Но оптимистическая. Я считаю, что жизнеутвержда-

ющая.

- А сейчас вы вновь вернулись в театр? Ведь не легко быть главным режиссером, да еще - Театра Комедии.

- Мне нравится. В наш театр ходят. Но сейчас снимаю новую картину - "Ты у меня одна". Про любовь. Абсолютная мелодрама.

- В общем, вы решили себя противопоставить всему бывшему советскому кинематографу, который замешан на насилии?

- Но ведь и в "Изыди" насилия очень много. В любом хорошем фильме есть насилие. Это ведь основы основ: если вы хотите сделать зрелище интересным - вставьте в него насилие, хотите сделать его более интересным - добавьте насилия. По этому принципу сделано много плохих фильмов, но это не значит, что хорошие сделаны иначе. Вопрос в другом, вопрос в том, какая проблема за этим стоит, какая мысль, для чего все это сделано и - как это сделано. Ведь бывает так, что никого и не убили, а тебя колотило весь фильм, а бывает, что горы трупов - и ноль эмоций. А с мелодрамой разве не так же? В любой мелодраме должна быть мысль, проблемы. А нет глубины - ничего не будет.

"Осенний марафон" - тоже, между прочим, мелодрама, но там есть нечто, что делает ее большим кино. А есть масса мелодрам, которые совершенно не трогают, в которых вообще не поймешь, что там и зачем. То есть, конечно, все понимаешь, но дико скучно. Я вижу, как долго выстраивается образ, как навязчиво сгущается символ: вот герой проходит по улице, а там лежит груды мусорных бачков, и мусорные бачки развалились после его прохода. Но я-то вижу другое. Я вижу, как он идет по улице, груды бачков разваливаются, я представляю себе, как кто-то за кадром толкает эту груды палкой, чтобы она рассыпалась. У меня другие мысли. Почему? Потому что я выключен из сопереживания герою. А когда я сопереживаю, я ничего не замечаю, понимаете? Могу смотреть про девятнадцатый век, но если будет хорошо играть и ситуация будет интересная, а сзади будет стоять современный шкаф, я могу этого не заметить, потому что я сопереживаю ситуации. Зрителю нужен заряд, и тогда все огрехи прощаются. Зрителю нужна эмоция, иначе зачем вообще существует

кино? Должна быть страсть! Но что убивает? Отсутствие страсти. Что угодно человек может отстаивать, но надо, чтобы он это отстаивал! Чтобы за этим была какая-то страсть. Чего у нас не было в советском искусстве долгие годы? Убивалось любое проявление индивидуальности. Почему не любили рок, как я понимаю? Почему душили джаз? Потому что человек орет, понимаете ли. Он орет что-то, и нашим властям это не нравилось: чего это он орет вообще? Это как-то не укладывается. Вот когда он поет сладким голосом, и нам всем приятно - как бы нормально. А этот орет, у него эмоция, его что-то волнует, он как-то это выражает - непорядок. Этого боялись. Они боялись и в итоге так снисвелировали наше искусство, что оно осталось без страсти. Я смотрю кино Сокурова - бесстрастная, бесполовая фиция, извините. Ничего там нет - все псевдо. Все многозначительно-надуманное.

- Вас могут не понять: Сокуров назначен явлением нашего кинематографа.

- Что конкретно явление? Ни уму, ни сердцу. В прямом смысле. Мысли - минимум, страсти какие-то убогие. Ничего. Кино для бедных и киноведов. Мы ведь до чего докатились? Ничего непонятно, темно, многозначительно, скучно - искусство. Понятно, заразительно, интересно - это на потребу. А все потому, что нельзя было говорить прямо, просто о каких-то серьезных вещах, нельзя было говорить честно о чем-то. И вот это показывание некой фици в кармане привело всех к тому, что начали искать какие-то вторые, третьи планы: ага, этот имел в виду это, о-о-о, как интересно! Но время-то прошло - все, не надо! Просто говорите, внятно. Можно открыто говорить все, что ты думаешь! А как? Уже не умею, ибо не приучены. Чем сильно лучшее американское кино? Они говорят откровенно, действуют прямо - и это становится самым эмоциональным и единственно необходимым для фильма, и для зрителя. К этой правде нашему кино предстоит прийти.

Фото Николая ШАРУБИНА.

САНКТ-ПЕТЕРБУРГ - ТАЛЛИНН.